

УОЛТЕР ЛИППМАН

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 316
ББК 60.5
Л61

Серия «Эксклюзивная классика»

Walter Lippmann

THE PUBLIC OPINION

Перевод с английского *Е. Абаевой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Липпман, Уолтер.
Л61 Общественное мнение / Уолтер Липпман ; [перевод с английского Е. Абаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-158467-2

Уолтер Липпман (1889–1974) — американский писатель, журналист, социолог, общественно-политический деятель, дважды лауреат Пулитцеровской премии, автор теории общественного мнения и термина «холодная война». Работы Липпмана по влиянию пропаганды и СМИ на политический дискурс и общественное мнение внесли значительный вклад в современную политологию и теорию СМИ.

В работе «Общественное мнение», написанной на основе всестороннего анализа американской прессы в период Первой мировой войны, Уолтер Липпман впервые сформулировал мысль о том, что свое представление об окружающем мире люди строят на основе мнений, транслируемых СМИ. Большая часть населения находится в плену стереотипов и живет в так называемой псевдосреде, сотканной из обрывков сведений, поставляемых СМИ. Сделав это открытие, Липпман настаивал на том, что общество должно проявлять больше критичности в своих оценках, а СМИ — сознавать свою ответственность перед гражданами. В противном случае весь мир рискует превратиться в одну большую иллюзию.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-17-158467-2

 Школа перевода В. Баканова, 2023
© Перевод. Е. Абаева, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Посвящается
Фэй Липпман*

*Уэйддинг-Ривер, Лонг-Айленд
1921 год*

— ...посмотри-ка: люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у каждого на ногах и на шее оковы, так что с места не двинуться, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову не могут из-за оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Странный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли, чужое ли, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, если всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной — разве не то же самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Именно так.

Платон. Государство. Книга седьмая¹.

¹ Платон, Государство. Кн. VII / Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3 (1). М., 1971. с. 514. / Перевод А.Н. Егунова.

Часть 1
ВВЕДЕНИЕ

1

Мир снаружи и картинки у нас в голове

Есть в океане остров, на котором в 1914 году проживали англичане, французы и немцы. На острове не было связи, а британский почтовый пароход заходил в его гавань лишь раз в шестьдесят дней. В сентябре он еще не приплывал, и островитянам приходилось довольствоваться обсуждением новостей из последней газеты, где сообщалось о грядущем суде над мадам Кайо, застрелившей Гастона Кальметта. В середине сентября вся община собралась на пристани с бóльшим, чем обычно, рвением, желая услышать от капитана, каков же был приговор. Вместо этого им сообщили, что уже более шести недель англичане и французы сражаются с немцами. Целых шесть недель представители разных национальностей вели себя как друзья, хотя формально к тому времени были уже врагами.

Но сложное положение, в котором оказались эти люди, не так уж отличалось от положения, в которое попала большая часть населения Европы. Островитяне ничего не знали шесть недель; на материке этот промежуток мог сократиться до шести дней или шести часов. Тем не менее был момент, когда картинка той Европы, в которой люди жили обыч-

ной жизнью, вступала в противоречие с картинкой Европы, в которой их жизнь вот-вот полетит в тар-тарары. Был момент, когда человек еще пытался найти свое место в мире, которого в действительности уже не было. Еще 25 июля люди производили товары, которые не смогут потом никуда доставить, покупали товары, которые не смогут ввезти из другой страны. Люди планировали карьеру, обдумывали проекты, питали надежды и строили прогнозы, думая, что прекрасно понимают устройство мира, в котором живут. А спустя чуть больше, чем четыре года, утром в четверг пришла новость о прекращении огня, и люди выдохнули, испытав невероятное облегчение оттого, что резня закончилась. Окончание войны уже успели отпраздновать, но до настоящего перемирия прошло еще пять дней, и за это время на полях сражений успело погибнуть несколько тысяч молодых людей.

Увы, мы весьма приблизительно понимаем действительность, в которой живем. Мы понимаем, что новости могут доходить до нас порой мгновенно, а порой с опозданием. При этом то, что мы искренне считаем правдивой картинкой, мы рассматриваем как саму действительность. В настоящее время мы редко думаем о том, как обманчива наша картина мира, зато с легкостью отмечаем, насколько абсурдным было представление людей о текущих событиях в другие времена и в других странах, и удивляемся, как можно было не замечать того, что сейчас кажется столь очевидным. Имея возможность оценить ситуацию в ретроспективе, сейчас мы ясно видим, что те два мира — один, который необходимо было разглядеть, и второй, который люди видели, — часто вступа-

ли в противоречие. А еще мы понимаем, что пока они правили и сражались, торговали и проводили реформы в мире, который они себе представляли, результаты (или их отсутствие) проявлялись в мире реальном. Они открыли Америку, хотя направлялись в Индию; вешали старух, полагая, что борются со злом. Люди считали, что могут богатеть, лишь продавая и ничего не покупая. Один халиф, повинувшись, по его мнению, воле Аллаха, сжег в Александрии целую библиотеку.

Примерно в 389 году святой Амвросий так изложил положение узника пещеры Платона, который решительно отказывается повернуть голову: «Обсуждение сути природы и расположения земли не подкрепляет наши надежды на будущую жизнь. Достаточно знать, что говорится в Писании: “Ни на чем Он повесил землю” (Иов, 26: 7). Так к чему рассуждать, подвесил ли Он землю или положил ее на воду, зачем затевать спор о том, как земля могла висеть в разреженном воздухе, или почему (если ее все-таки положили на воду) земля не опускается на дно?.. Незыблемость земли в пространстве неустойчивом и пустом обеспечивается не тем, что она находится в центре всего, как бы подвешенная в равновесии, а тем, что к этому ее принуждает воля Бога, сила Его величия»¹.

Так к чему рассуждать? Достаточно знать, что говорится в Писании. Но спустя полтора столетия после святого Амвросия веру все еще подтачивали сомнения, на этот раз вызванные проблемой антиподов. Одному монаху по имени Козьма, из-

¹ Нехаемерон, i. cap. 6. Цитата приводится по книге: Taylor, H. O. *The Mediaeval Mind*. V. 1. P. 73. — *Здесь и далее, за исключением отдельно оговоренных случаев, примеч. авт.*

вестному своими научными знаниями, поручили написать «Христианскую топографию», или «Христианское видение мира»¹. Он прекрасно понимал, чего от него ждут, поскольку выстроил все свои умозаключения на основе собственной трактовки Священного Писания. Оказывается, мир — это четырехугольник на плоскости, ширина которого с востока на запад вдвое больше, чем длина с севера на юг. В центре находится земля, а вокруг нее океан, который, в свою очередь, окружен другой землей, где люди жили до потопа. Именно на той, другой земле взшел на корабль Ной. На севере возвышается конусовидная гора, вокруг которой вращаются солнце и луна. Когда солнце заходит за гору, наступает ночь. Небо приклеено к внешней земле по краю, четыре высокие стены сходятся в центре, образуя купол, а земля служит вселенной ложем. На небе с другой стороны находится океан, являющий собой «воды, которые над твердью». Пространство между небесным океаном и высшим сводом вселенной принадлежит блаженным. А в пространстве между землей и небом живут ангелы. И, наконец, так как согласно святому Павлу, все люди созданы для «обитания по всему лицу земли»², как могут они жить на его изнанке, где место антиподам? Имея перед глазами такой отрывок, христианин (как нам говорят) не должен «даже упоминать об Антиподах»³.

Еще меньше он должен стремиться к ним попасть. Ни один христианский правитель не дол-

¹ *Lecky, W.E.H. History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe. V. 1. P. 276–278.*

² Деяния апостолов 17:26. — *Примеч. пер.*

³ *Lecky, W.E.H. Там же.*

жен давать корабль для подобного дела, и ни один благочестивый моряк не должен даже высказывать подобного желания. Никаких логических противоречий в своей карте Козьма не видел. Лишь памятуя об абсолютной убежденности автора в том, что именно такой и была карта вселенной, можно дорасти до понимания, какой страх на него навели бы Магеллан, или Пири, или летчик, который, пролетев на высоте семь миль над землей, рисковал наткнуться на ангелов и небесный свод. Точно так же в наше время не стоит удивляться остервенелости, с которой ведутся войны и политическая деятельность, ведь большинство каждой партии абсолютно верит в свое представление об оппозиции, памятуя, что за факт принимается не то, что есть на самом деле, а то, что *считается* фактом. И, как следствие, это большинство, подобно Гамлету, пронзит Полония, скрытого за шелохнувшей занавеской, посчитав того королем, и, быть может, подобно Гамлету, добавит:

Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!
Я метил в высшего; прими свой жребий¹;

Обычно великие люди демонстрируют публике только свои вымышленные личности. Есть все-таки крупица правды в старой поговорке: «нельзя быть героем в глазах собственного слуги». Впрочем, правды здесь действительно крупица, ибо и слуга, и личный секретарь часто сами с головой погружены в вымысел. Образчиком сконструированных личностей могут служить, без сомнения, королевские особы. Верят ли они сами в тот образ, кото-

¹ Здесь цитата приводится по: *Шекспир, У.* Гамлет, принц датский / пер. М. Л. Лозинского. — *Примеч. пер.*

рый создан на потребу публике, или просто позволяют своему камергеру его срежиссировать, у них существуют по крайней мере два отдельных «я»: официальное королевское «я» — и негласное, человеческое. Биографии великих людей легко делятся на истории об этих двух типах личностей. Официальный биограф восстанавливает жизнь первую, общественную, откровенные мемуары описывают вторую. Образ Линкольна в биографии лорда Чарнвуда, например, являет собой благородный портрет не реального человека, а преисполненной значимости легенды, которая в дальнейшем встает на ту же ступень реальности, что и защитник Трои Эней или святой Георгий. Выписанный Оливером Гамильтоном — это величественная абстракция, высеченная словом идея, «рассуждение», по словам самого автора, «об американском единстве». Едва ли это можно назвать биографией человека, скорее уж официальным памятником федерализма. Люди порой самостоятельно создают себе личину, считая при этом, что раскрывают нечто изнутри. Дневники Репингтона и Марго Асквит — своего рода автопортреты, в которых личные подробности лучше всего демонстрируют то, как авторы предпочитают думать о себе.

Однако самый интересный вид портретной характеристики тот, что непроизвольно возникает у людей в головах. Когда на трон взошла королева Виктория, по свидетельству Литтона Стрэчи, «среди граждан, сторонних наблюдателей, прокатилась волна энтузиазма. В моду вошли чувства и романтика, а зрелище проезжающей по столице своей страны королевы — скромной, невинной девочки со светлыми волосами и розовыми

щечками — наполняло сердца зрителей восторгом умиления и преданности. Но прежде всего людей поразила ошеломительный контраст между королевой Викторией и ее дядями. Эти омерзительные старики, распутные и эгоистичные, как ослы упрямые и нелепые, погрязшие в вечном потоке долгов, паутины проблем и позора... исчезли как прошлогодний снег, и воцарилась, наконец, лучезарная весна»¹.

Месье Жан де Пьерфе о поклонении героям знал не понаслышке, поскольку служил офицером в штабе Жозефа Жоффра в момент его величайшей славы:

«Целых два года весь мир воздавал ему должное, вознося до небес победителя сражения на Марне. Посыльный буквально сгибался под тяжестью ящиков, пакетов и писем, которые передавали совершенно незнакомые люди, испуганно желая засвидетельствовать свое восхищение. Мне кажется, что, за исключением генерала Жоффра, ни один полководец, будучи на войне, не имел представления, что такое настоящая слава. Ему присылали коробки конфет крупнейшие кондитеры мира, ящики шампанского, изысканные вина какого душе угодно урожая, фрукты, дичь, украшения, посуду, одежду, курительные принадлежности, письменные приборы, разнообразные пресс-папье. Из каждой местности присылали то, чем она славилась. Художник присылал картину, скульптор — статуэтку, милая старушка — вязаный шарф или носки, пастух, сидя в своей хижине, вырезал для него трубку. Враж-

¹ *Strachey, L. Queen Victoria, p. 72.*